

СООТНОСИТЕЛЬНОСТЬ ПРОТИВИТЕЛЬНЫХ СОЮЗОВ
В АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

1. Наша цель – выяснение характера и причин различий сложносочиненных высказываний со значением несоответствия поступков действующих лиц определенным жизненным ситуациям типа: *«Мороз 20 градусов, а (но) сын выскочил на улицу раздетым»*.

2. Новая, антропоцентрическая парадигма лингвистического знания, как известно, переключила интересы исследователей с объектов познания на субъект речи, в первую очередь, на автора высказываний. С позиций автора, различия рассматриваемых предложений, по мнению А. Вежбицкой, обнаруживаются в том, что союз **А** выполняет роль маркера «неподконтрольности» русского человека названным обстоятельствам, и это обусловливает негативную оценку описываемого факта. Так, в примере с 20-градусным морозом слово «**А**» репрезентирует факт неразумности поведения сына, не обратившего внимания на погодные условия. Идея А. Вежбицкой о национальной русской специфике слова «**А**» была развита Е.В. Падучевой, Е.В. Урысон и др. и уточнена за счет утверждения того, что причина нелогичного поведения действующего лица говорящему чаще всего неизвестна. Союз **НО**, в отличие от **А**, эту причину предполагает, что нередко подтверждается средствами контекста: *«...но сын выскочил на улицу раздетым, т.к. должен был догнать друга, скажем, забывшего в доме паспорт»*. Роль союза **НО** сводится к простой констатации факта без его экспрессивной оценки. Основным методом исследований служит интроспекция, т.е. взвешенная и продуманная интуиция лингвиста.

3. Не считая возможным принять интуицию одного человека в качестве абсолютно надежного инструмента анализа, мы провели психолингвистический эксперимент со студентами Самарского государственного педагогического университета, целью которого было получение данных коллективной интуиции носителей русского языка. В задание входило определение семантических различий союзов **А** и **НО** в предложениях адверсативного несоответствия.

4. Эксперимент и анализ многочисленных выборок из художественных произведений, в целом подтвердившие наблюдения предшествующих исследователей, выявили необходимость существенных уточнений.

При последовательном применении антропоцентрического принципа следует учитывать не одну, а три человеческих фигуры: автора как отправителя сообщения, читателя как его получателя, а также того действующего лица, волей и сознанием которого объясняются его поступки. Описываемый персонаж совершает свои действия по ведомым ему часто вполне

разумным причинам. У него своя логика и своя правда, и читатель легко понимает их по контексту. Так, во фразе «*Специальность в кармане, а ты ямы рыть*» (В.Шукшин) парню важно было заработать денег на бытовые нужды. Его можно понять и не за что осуждать. Психолингвистический эксперимент показал отнюдь не стопроцентно негативное видение странного положения дел. Так, информация «*У нее было всего 200 рублей на продукты, а она поехала на такси*» вызвала у некоторых опрошиваемых восхищение «широтой души» и «немелочностью» женщины.

Основание для того или иного типа поведения в принципе может быть известно и автору А-высказываний: оно просто реже находит свое словесное выражение, чем в предложениях с союзом НО: – *Эх, сейчас бы антибиотики колоть, больной уж очень тяжелый, а врач не хочет: печень разыгралась, стоп, нельзя!* Указание уважительной причины заметно ослабляет семантику несоответствия.

Наконец, в речи возможны случаи эмоциональных высказываний с союзом НО, адекватных союзу А: «*Иван закричал, кинулся, но – увы! Он так и не смог поймать пуделя*» (А.Н.Толстой). Как видим, противительные предложения подтверждают общую истину о том, что в мире нет ничего абсолютного, а есть тенденции с возможными исключениями из правил.

С.А. Карпужин

Самарский государственный университет

ГЛАГОЛЬНЫЙ ВИД В СОСТАВЕ РУССКОГО ФРАЗЕОЛОГИЗМА

В современной русской фразеологии преобладают единицы, имеющие в своем составе глагол. При отсутствии специальной статистики (учитывающей, помимо прочего, границу между живыми и архаичными формами типа *сложь руки, бог весть* и т.п.) такое впечатление возникает уже при беглом просмотре фразеологического словаря [Фразеол. сл. 1986]. Имеются и косвенные свидетельства в виде выборочных подсчетов. Так, в указателе фразеологизмов [Бабкин 1979: 256-261] содержится 337 глагольных и 202 неглагольных единицы.

Насколько нам известно, этот важный структурный компонент фразеологизма пока еще не вызывал интереса ни лексикографов, ни грамматистов. Между тем его изучение в плане аспектуальности, думается, может пролить новый свет и на лексико-грамматическое значение фразеологизма, и на его происхождение, и на употребление. Настоящие заметки, однако, не претендуют на сколько-нибудь законченное освещение данного вопроса – скорее их задача заключается в постановке проблемы.